

Митрополит Макарий

История русской церкви. Том 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М67

М67 **Митрополит Макарий**
История русской церкви. Том 8 / Митрополит Макарий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 282 с.

ISBN 978-5-458-04043-3

Церковно-историческая наука богата яркими талантами, такими как митрополит Московский Платон (Левшин), митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский), профессора Духовной Академии Александр Горский, Евгений Голубинский, Петр Знаменский, но особое место в русской церковной историографии занимает митрополит Московский и Коломенский Макарий.

ISBN 978-5-458-04043-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Митрополит Макарий, 2021

Макарий Митрополит
(Булгаков)
История русской церкви (Том
8)

Митрополит МАКАРИЙ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ
КНИГА 5
ПЕРИОД РАЗДЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ НА ДВЕ МИТРОПОЛИИ
ТОМ 8
ИСТОРИЯ ЗАПАДНОРУССКОЙ, ИЛИ ЛИТОВСКОЙ, МИТРОПОЛИИ
(1458-1596)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 2

ГЛАВА I 6

ГЛАВА II 39

ГЛАВА III 81

ГЛАВА IV 125

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Московском государстве православная вера была господствующею; все прочие веры были лишь терпимы под тем неперменным условием, чтобы они не касались прав господствующей Церкви и не совращали ее чад. Сам государь всегда считался сыном православной Церкви и ее естественным покровителем и защитником. Если иногда она и вызывалась на борьбу, то с одними лишь внутренними своими врагами - ересями и расколами, которые и одолевала, пользуясь содействием гражданской власти. Если и государи Восточной Руси позволяли себе иногда действовать, по-видимому, во вред своей Церкви, то эти действия направлялись только против отдельных иерархов, или монастырей, или и всего духовенства, но никогда не направлялись против самой православной веры и Церкви.

Совсем не таково было положение православной веры в Литовском государстве. Здесь она постоянно находилась лицом к лицу со своим давним и непримиримым врагом - латинством и могла называться лишь терпимою, а не господствующею. Государи Литвы всегда исповедовали римскую веру. И православие здесь суждено было выдерживать непрерывную борьбу с католицизмом.

Правда, перевес силы в этой борьбе, казалось, был на стороне православия. Литовское великое княжество состояло не из одной Литвы, занимавшей немного более двух нынешних губерний, Виленской и Ковенской, а преимущественно из русских областей, обнимавших пространство девяти других, западных и южных, нынешних наших губерний: Смоленской, Витебской, Минской, Гродненской, Могилевской, Черниговской, Киевской, Волынской и Подольской. К этим областям надобно причислить и ту часть Галиции, которая хотя в гражданском отношении находилась под властью Польши, но в церковном принадлежала к Литовской митрополии. Во всех этих древних русских областях существовала вера православная, и существовала уже целые века, следовательно, успела укорениться глубоко и прочно; ее исповедовали как простой народ, так и все дворянство и князья - потомки удельных русских князей, здесь некогда княживших, - Острожские, Друцкие, Соколинские, Горские, Четвертинские, Любецкие, Подбереские и другие. Кроме того, и в коренной Литве православная Церковь имела немало последователей не только в низших слоях общества, но и между знатными княжескими родами, происходившими от детей великих князей литовских Гедимина и Ольгерда, каковы были князья Заславские, Стародубские, Сангушки,

Слуцкие, Бельские, Сапеги, Мстиславские, Збаражские, Пинские, Корецкие, Полубенские и многие другие. В самой Вильне, столице Литвы, еще к концу XV в. целая половина жителей были православные, хотя, быть может, преимущественно из русских поселенцев. И Литовская православная митрополия заключала в себе при начале периода девять епархий, и епархий древних. Что же представляла собою тогда в Литовском великом княжестве Церковь латинская? Это была еще Церковь очень и очень немногочисленная. Если не считать князя Миндовга, который принял было в 1251 г. латинство, а потом снова обратился к язычеству, и неудачных попыток ливонских рыцарей покорить литовцев папе силою своего оружия, римская вера начала проникать в Литву только во дни Гедимина и Ольгерда (1320 - 1377), когда ее старались распространять здесь, хотя и малоуспешно, доминикане и францискане. Утвердилась же она здесь только к концу XIV и в начале XV в., при Ягелле и Витовте, из которых первый, принимая корону Польши, дал клятвенное обещание крестить в латинство всех литовцев и действительно крестил их (1387) до тридцати тысяч, а последний четыре раза водил войска свои в Жмудь (1413 - 1420), чтобы принудить жителей к принятию римской веры, хотя имел мало успеха, так как и впоследствии они продолжали по местам держаться своего язычества еще около двух столетий. Очень вероятно, что кроме язычников-литовцев принимали тогда латинство и некоторые из православных, и литовцев и русских, уступая тем насильственным мерам, какие против них употреблялись, и, без всякого сомнения, в состав новой латинской паствы немедленно входили все немцы, которые переселялись тогда в Вильну и другие литовские и галицкие города, и поляки, имевшие в Галиции свои владения и в них жившие. Вместе с тем учреждались одна за другою и латинские епархии: в Киеве (около 1350), Галиче или Львове (1361-1375), Вильне (1388), Перемышле (1390), на Жмуди (1417), в Луцке (1428), но учреждались более с целью пропаганды, чем по многочисленности паствы. Киевская, например, епархия считала у себя даже в половине XV в. только семь костелов, а Жмудская и в половине XVI в. только 34 костела. Во всем же великом княжестве Литовском около половины XVI в., по свидетельству самих латинских писателей, было до 700 парохий, или приходских костелов, тогда как православных церквей в одном лишь Новоградском воеводстве было более 650 и во владениях одного князя Константина (Василия) Константиновича Острожского более 600, по свидетельству латинских же писателей. А пред введением унии в Литве, по свидетельству тогдашних членов львовского братства, во всей Литовской православной митрополии числилось восемь епархиальных архиереев и "попов русских одиннадцать тысяч", следовательно, немногим менее и церквей.

Но не своею древностию, не числом своих чад, не количеством костелов и епископских кафедр сильна была в Литве Церковь латинская - во всем этом она уступала Церкви православной, - а была сильна и несравненно сильнее православной по другим условиям. Во главе православной Церкви в Литве стоял Цареградский патриарх, вся деятельность которого по отношению к ней почти до конца периода ограничивалась лишь тем, что он поставлял Литовско-русского митрополита или, вернее, присылал свое благословение на его постановление; во главе латинской Церкви в Литве стоял папа, имевший могущественное влияние не только на местную иерархию и народ, но и на самое правительство. Православные епископы и митрополит пользовались в Литве только церковною

властью и значением, но вовсе не допускались к участию в гражданских делах и государственных; латинские иерархи, напротив, особенно Виленский, были ближайшими советниками великого князя и короля, заседали в сенате и оказывали сильнейшее давление на решение вопросов правительственных. Как ни многочисленно было сравнительно православное монашество в Литве, оно не готовило и не выделяло из среды своей лиц, которые бы посвящали себя исключительно делу проповеди на защиту православия, на борьбу за него; напротив, латинское монашество в Литве состояло преимущественно из орденов, имевших целью поддержание и распространение католицизма, - довольно поименовать здесь одних иезуитов. Но самая главная сила католиков в Литве, дававшая им решительный перевес над православными, заключалась в государе.

Литовские государи по отношению к православной Церкви действовали двучленно. С одной стороны, они ясно видели, что их великое княжество есть не столько литовское, сколько русское. Русские, православные, составляли в нем большинство населения; русская народность и язык имели преобладающее значение. На русском языке говорили сами литовцы в своих сношениях с русскими. На нем преимущественно совершались акты и договоры, общественные и государственные, писались просьбы гражданами, давались грамоты и привилегии королями, обнародовались законы. На русском языке были составлены и изданы даже литовские Статуты, и только на нем одном происходило судопроизводство во всех владениях Литвы. В среде русского и литовского православного населения находились многие знатные фамилии из племени прежних князей, господствовавших в крае, некоторые из них состояли в довольно близком родстве с самими великими князьями Литвы, другие владели огромными имениями, целыми почти уделами, и содержали собственные дружины; из этой среды не раз являлись именитые государственные сановники и славные воины, оказывавшие великие заслуги всему отечеству. К тому же православные русские Литовского государства имели за собою еще русских Московского государства и в случаях нужды могли находить для себя не только нравственную, но и физическую опору в православном московском государе. Очень понятно, что литовско-польские короли не могли относиться к своим подданным православной веры, по крайней мере наружно, без должного внимания и справедливости. И вот мы видим, что все эти государи при самом вступлении своем на престол изрекали клятвенное обещание сохранять права и привилегии всех своих подданных не только римской веры, но и русской, как уже тогда называли в Литве православную веру в отличие от латинской; все подтверждали и ограждали и церковные и имущественные права Русских митрополита, епископов и прочего духовенства; давали жалованные грамоты русским церквам и монастырям на построение или восстановление и обновление их, на их земли и вотчины, прежние и новые, на охранение их от обид и притеснений, так что при рассматривании одних этих грамот можно подумать, будто православная Церковь в Литовском государстве пользовалась совершенным покровительством правительства. Но с другой стороны, литовские государи позволяли себе по отношению к ней и совсем другого рода действия. Сами они были католики, потому не могли сочувствовать ей и неизбежно подлежали более или менее влиянию своего латинского духовенства и папы, всегда враждовавших против православия. Да и как государи они не могли благоприятствовать православной вере в среде своих русских подданных,

потому что она постоянно влекла их к Москве, тогда как литовским государям, напротив, желательно было всячески отклонить их от Москвы и сблизить с прочими своими подданными. С этою-то преимущественно целию еще Ольгерд и Витовт в Литве, а Казимир в Галиции пытались дать своим русским подданным особого первосвященника и совершенно отделить их от Московской митрополии. Особенно же должна была усилиться нерасположенность литовско-польских королей к православию со времени последнего соединения (в 1569 г.) Литвы с Польшею, когда заветною мечтою этих королей сделалось слить оба государства в одно, обширное, могущественное, и когда они ясно сознали, что главным препятствием к тому может служить разноверие русских с поляками и что для полного политического соединения, или унии, тех и других необходимо соединение их по вере - уния церковная. Нечего потому удивляться, если литовские государи, дававшие столько льготных грамот православным своим подданным и православному духовенству, издавали также и враждебные им постановления и по временам то лишали православных права занимать высшие должности в государстве, ссылаясь обыкновенно на Городельское постановление 1413 г., то запрещали им строить и даже возобновлять свои церкви, то отнимали у них церкви и отдавали латинянам, то стесняли православных в торжественном отпраздновании их праздников и священнослужений, то уничижали самую веру православную, называя ее даже в официальных бумагах схизмою, а православные храмы синагогами, то допускали и открытое насилие православных для привлечения их к покорности папе.

Ничем, однако ж, столько короли эти не наносили вреда православию в своем государстве, как злоупотреблением усвоенного ими себе права "патронатства" по отношению к православной Церкви, и в частности права "подавания" архиерейских в ней кафедр, монастырей и церквей. В литовских епархиях, еще до отделения их от Московской митрополии, избрание епископов совершалось уже не так, как в Москве, не Собором иерархов, по изволению великого князя, а самим королем при участии князей, бояр, священников и всего людства той епархии, для которой избирался архипастырь. Мало-помалу участие местного духовенства и мирян в избрании епархиальных архиереев почти прекратилось и назначение последних перешло в исключительную власть литовско-польских королей, которые допускали при этом ходатайства только своих сенаторов и других знатных лиц и вообще дворянства. Пользуясь таким важным правом, короли-иноверцы раздавали архиерейские кафедры большею частию не духовным лицам, способным к святительскому служению, а светским, искавшим только захватить в свои руки архиерейские имения, и раздавали иногда в виде награды за какие-либо заслуги, военные или гражданские, иногда по ходатайству сильных особ, нередко прямо за деньги. Случалось, что еще при жизни престарелого епископа король предоставлял его епархию какому-либо шляхтичу, который по смерти епископа тотчас и вступал в управление ею и управлял несколько лет, вовсе не принимая на себя священного сана и только называясь нареченным епископом. Случалось, что король давал право на какую-либо архиерейскую кафедру разом двум светским лицам, которые потом и вели из-за нее открытую борьбу между собою. Случалось и то, что шляхтичи, получившие от короля жалованную грамоту на какую-либо епископию, передавали свое право за деньги другим лицам, а епископы, занимавшие уже известные кафедры, выпрашивали себе у короля

право на другие, более богатые кафедры, как только последние сделаются вакантными. Точно так же поступали литовские государи с православными монастырями и церквями, находившимися под их непосредственным патронатством. Большею частию они предоставляли настоятельство в этих монастырях не монахам, но мирянам, которые иногда обязывались вступить в монашество, иногда и не обязывались и, продолжая жить в миру, правили монастырями через своих как бы наместников-иноков, сами же властно распоряжались монастырскими вотчинами. А очень нередко короли отдавали как свои монастыри, так и церкви со всеми их имениями прямо в арендное содержание на несколько лет или и в пожизненное владение то духовным, то мирским людям, даже латинского исповедания. Примеру короля следовали князья, бояре и вообще паны, имевшие под своим патронатством православные монастыри и церкви. Некоторые из этих патронов - между ними были и иноверцы - вместо того чтобы заботиться о своих монастырях и церквях, об их устройстве и благосостоянии и пособлять им, сами только пользовались их имениями или отдавали эти имения в аренду другим и доводили до совершенного разорения, предоставляя себе в то же время право по своему произволу распоряжаться в самих церквях и монастырях, принимать и удалять приходских священников и монашествующих, к крайнему стеснению епархиальной власти. Такой порядок, вернее, беспорядок в раздаче архиерейских кафедр и в управлении монастырями и церквями продолжался в Литовской православной митрополии в течение всего периода и имел самые губительные для нее последствия. Это была страшная внутренняя язва, которая незаметно подтачивала самые главные силы Церкви и неизбежно вела ее к расслаблению и изнеможению. У Церкви отнята была даже возможность иметь достойных архипастырей и духовных вождей и борцов, которые бы ревностно и мужественно отстаивали ее православие и права; ей давали таких святителей, которые преследовали преимущественно собственные интересы и из-за личных выгод способны были пожертвовать всем. И этим-то злоупотреблением своей власти назначать православных архиереев и распоряжаться православными монастырями и церквями, этим-то постепенным ослаблением и обессилением православной Церкви литовские государи несравненно более, нежели всеми другими мерами, подготовили в своем государстве для латинян ту победу, какую одержали они наконец над православными.

Около половины XVI в. явилось в Литве протестантство, по-видимому, в качестве союзника православной Церкви, потому что немедленно устремилось всеми своими силами против ее врага - латинства и произвело в рядах его страшные опустошения. Но скоро увидели в самое короткое время успело увлечь столько православных в Литве, особенно из высшего круга, сколько латинская Церковь не могла увлечь их в продолжение целого предшествовавшего столетия. Еще более вреда причинило протестантство православию тем, что своими громкими победами как бы разбудило дремавшие силы католицизма и вызвало в Литву иезуитов - таких борцов за латинскую Церковь, каких прежде она не имела и которые не замедлили доставить ей здесь торжество и над протестантскими сектами, и над православием. Протестантство, можно сказать, только помогло иезуитам и облегчило им труд одолеть православных, обессиливши последних теми поражениями, какие нанесло им прежде. Появление в Литве протестантства не только не прекратило борьбы, которую дотоле вело здесь ла-

тинство против православия, но еще возбудило ее и ускорило ее печальный исход.

Главная цель, к которой постоянно стремилась Римская Церковь в своей борьбе с православием в Литве и Польше, была церковная уния. Но самая эта борьба велась не с одинаковым постоянством и напряжением и еще более не с одинаковым успехом. В продолжение первого почти полустолетия (1458 - 1503) борьба была довольно сильная: римское духовенство и литовско-польские государи употребляли разные средства, церковные и гражданские, для привлечения православных к Флорентийской унии, были даже попытки к унии со стороны самих православных, хотя окончившиеся неудачно. В следующее полустолетие (1503 - 1555) борьба настолько ослабела, что сделалась почти незаметною: православные, по делам своей веры, наслаждались относительным спокойствием, и если принимались еще против них меры стеснения, то лишь изредка и не повсеместно, а прямых попыток к унии ни со стороны православных, ни со стороны самих латинян вовсе не было. С половины XVI в. в течение с лишком тридцати лет (1555 - 1589) борьба быстро усилилась и достигла высшей степени напряжения: на православных напали сперва протестанты, потом иезуиты, и последние с небывалою прежде со стороны латинян настойчивостию возобновили попытки к унии. Наконец, в последнее семилетие (1589 - 1596) борьба постепенно приближалась к своему исходу: в среде самого православного духовенства нашлись немногие изменники, которые, действуя вместе с латинянами, несмотря на противодействие всех православных, успели принять и водворить в Литве церковную унию. Таким образом, в истории Западнорусской, или Литовской, митрополии в продолжение настоящего ее периода представляются один за другим следующие четыре отдела (главы):

1. Борьба православия с латинством и неудачные попытки к унии (1458-1503).
2. Спокойное состояние православия, лишь изредка нарушавшееся борьбою с латинством, без попыток к унии (1503 - 1555).
3. Борьба православия с протестантством и иезуитами и новые, усиленные попытки к унии (1555 - 1589).
4. Уния (1589-1596).

ГЛАВА I

I

Ряд первосвятителей Западнорусской Церкви начал собою Григорий. Мы уже знаем, кто был он, как поставлен в митрополита и как совершилось при нем окончательное отделение Литовской митрополии от Московской. Григорий происходил из Болгарии и считался учеником митрополита Исидора. С ним прибыл к нам из Греции, с ним же и бежал из России. С ним путешествовал (1452) из Рима в Константинополь и оттуда снова возвратился в Рим. В России Григорий назывался только чернецом и протодиаконом при Исидоре; в Константинополе сделался аббатом, или игуменом, монастыря святого Димитрия, того самого монастыря, в котором некогда игуменствовал и Исидор. Когда в Риме ясно увидели, что ни в Москве, ни в Константинополе не могла утвердиться Флорентийская уния, несмотря на все попытки и усилия ревнителей ее; когда Исидор потерял всякую надежду возвратиться на свою кафедру в Россию, где все еще продолжал княжить прогнавший его великий князь Василий Васильевич и много лет

уже святительствовал православный митрополит Иона, тогда с общего согласия папы, Исидора и других кардиналов положено было отделить от Русской Церкви по крайней мере те епархии, которые находились во владениях литовско-польского короля, по вере латинянина, поставить над ними особого митрополита, приверженного к унии, и таким образом хотя здесь насадить и утвердить ее. Исидор указал на ученика своего Григория "яко достойна суща митрополии Русския и мудра велми в речех". Бывший Цареградский патриарх Григорий Мамма, принужденный, подобно Исидору, оставить свою кафедру за приверженность к унии и проживавший в Риме, рукоположил Григория в сан епископа-митрополита, а папа Пий II утвердил его своею грамотою от 11 сентября 1458 г. и отпустил в назначенную ему Литовскую митрополию. Мы знаем также, как отнеслись к этому назначению в Москве. При первой вести о нем великий князь Василий Васильевич писал к литовскому королю Казимиру, чтобы он не принимал Григория. Митрополит Иона послал в Литву настоятелей двух значительнейших монастырей, Троице-Сергиева и Кирилловского, и рассылал многочисленные грамоты к епископам, князьям, боярам и ко всем православным христианам литовским, убеждая всех стоять твердо в православии и не покоряться идущему из Рима ученику Исидорову, еретику, отлученному от святой соборной Церкви. Все русские епископы, собравшись в Москве у гроба святителя Петра, кроме того что дали обет оставаться верными митрополиту Ионе и не признавать Григория, написали (13 сентября 1459 г.) и к литовским епископам, своим духовным братьям, соборное послание, чтобы они помнили свое исповедание и обещание, данное Ионе, и не принимали митрополита от латинян, отступника от православной веры. Но все эти послания и убеждения не отвратили опасности. Таким образом Литовская митрополия разом отделена была и от Московской митрополии, и от Константинопольского патриархата или, точнее, изъята была из-под власти православных Константинопольских патриархов и подчинена Константинопольским патриархам униатским, которые, начиная с Григория Маммы, следовали один за другим в непрерывном порядке, назначались самим папою и имели пребывание не в Константинополе, а в Риме.

Папа рассчитывал собственно на литовско-польского короля Казимира, своего "наимилейшего о Христе сына". Каков же был этот король, по крайней мере до настоящего времени? Литовским великим князем он сделался еще в 1440 г., будучи только четырнадцать лет, и скоро приобрел любовь своих подданных. Он дал им присягу, что сохранит в целости их государство, несмотря на все притязания поляков, и не уступит последним ни Волыни, ни Подолии, ни Луцкой земли, которые литовцы считали своею неотъемлемою собственностью, а поляки усиливались присвоить своей короне. Сделавшись потом, очень неохотно и почти против воли, и королем Польши (в 1447 г.), он долго не соглашался подтвердить присягою права Польской Короны, которые распространяли поляки и на три названные литовские области, и продолжал поддерживать сторону литовцев в их непрекращавшихся спорах с поляками из-за земельных владений. В самой Литве Казимир одинаково смотрел на всех своих подданных, какой бы веры они ни были. Еще в 1440 г. он дал некоторые торговые привилегии жителям своего столичного города Вильны как римской, так и русской веры, а в следующем году подтвердил равно тем и другим магдебургское право, дарованное им еще королем Сигизмундом (1432). Будучи уже и королем Польши, пожаловал (1456)

подтвердительную грамоту галицко-русскому духовенству, дворянству и прочим жителям на все прежние их права и вольности, а за год до назначения в Литву митрополита Григория пожаловал такую же грамоту литовскому, русскому и жмудскому духовенству, равно князьям, боярам, шляхтичам и прочим жителям, без всякого различия по вере, и уравнил их по правам с духовенством, князьями, боярами, шляхтичами и вообще жителями Короны Польской, несмотря на Городельское постановление. С таким же расположением Казимир относился и к церковному единению своих православных подданных с Москвою. Он изъявил (1448) свое согласие на поставление Ионы в митрополита над всею, тогда еще неразделенною, Русскою Церковию и в своем договоре с великим князем московским Василием Васильевичем (1449) условился признавать вообще митрополитом того, кто будет люб им обоим; присылал Ионе "жалованье и поминки", а в начале 1451 г. дал ему и грамоту на управление литовскими епархиями, призывая в ней и епископов с прочим духовенством, и князей, и бояр, и весь народ христианства русского чтить Иону как отца-митрополита и слушаться его в делах духовных. На этого-то короля не усомнился рассчитывать папа, посылая к нему новопоставленного митрополита Григория, и, к изумлению, не обманулся в своих надеждах: так еще могущественно было тогда папское слово! В своей грамоте к Казимиру Пий II, называя его своим "наимилейшим о Христе сыном" и преподавая ему благословение, прежде всего извещал его, что находящиеся в его владениях епархии греческого закона отнимаются у отщепенца и противника злочестивого чернеца Ионы и для них поставлен в Риме особый митрополит Григорий; потом просил короля, чтобы он принял Григория на кафедру Киевскую, а не допускал до нее отщепенца Ионы и никого другого, кто вздумал бы помогать ее при помощи духовенства и народа; если же Иона или кто другой явится с этою целию в Литву, то приказал бы схватить их и в оковах заключить в темницу; наконец, поручал королю подчинить и привести в послушание Григорию всех епископов означенных епархий, и духовенство, и народ и оказывать новому митрополиту всякое покровительство и содействие к расширению его прав, а всех противящихся тому подвергать тяжким мукам. Казимир не осмелился сам воспротивиться папе и несмотря на то, что сам же прежде изъявил согласие на избрание Ионы в митрополита и дал ему грамоту на управление Литовскими епархиями, несмотря на договор с великим князем московским и убеждения его, принял Григория и отдал ему все девять епархий Западнорусского края. Семь из этих епархий находились в пределах Литовского королевства: Черниговская, Полоцкая, Смоленская, Туровская, Луцкая, Владимирская на Волыни и Холмская; они-то, за исключением, впрочем, последней, и подчинены были прежде Ионе грамотою Казимира. Остальные две епархии числились во владениях Польши - Галицкая и Перемышльская - и, вероятно, вместе с Холмскою считались еще за особую митрополию Галицкую, непостоянно, впрочем, имевшую своего митрополита. Эту митрополию Казимир также обещал было подчинить Ионе, но не видно, чтобы исполнил свое обещание, несмотря на просьбы Ионы, и она только теперь воссоединилась с Киевскою митрополиею под властью Григория, так что отселе Киевские митрополиты имели уже право называться Киевскими и Галицкими, хотя, сколько известно, сам Григорий назывался только Киевским и всея России. "Слышание таково полное, - писал Московский митрополит Феодосий Новгородскому владыке спустя два года после прибытия Гри-